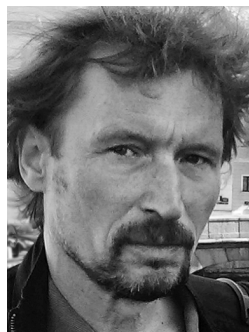

АЛЕКСАНДР СЕКАЦКИЙ
Философ, писатель, публицист

ЗАВИСТЬ КАК ПРОПУЩЕННЫЙ МИР

Возможные миры в логическом смысле являются предметом игры, но, впрочем, довольно скучной. Интерес могли бы придать попытки их обживания, но логических средств и процедур для этого недостаточно. Логика иных возможных миров исключительно важна для другого — для преодоления единственности принудительной данности того или иного положения вещей. Тогда быстрый взгляд со стороны позволяет понять, в чём мы действительно пребываем, — такова наша алгебра, наша логика, наш способ счёта, который следует правилу единственного касания: пересчитываемый предмет, будь то солдат противника или пуговица на столе, засчитывается в перечислении только один раз. А будь это правило иным — например, если в пересчёте можно было бы касаться предмета не более двух раз, — мы получили бы другую математику, другую технику, иную социальность, иные принципы клятвы.

Миры в физическом смысле — те, что входят в безбрежную совокупность мультиверсума, — мимолётны, они поглощаются как на мгновение выброшенные протуберанцы, и в виду отсутствия длительности их не отследить. Миры же на позднейших участках ветвления, в условиях человеческого присутствия, там, где они называются воображаемыми мирами, вопреки ожиданиям не столь эфемерны, именно здесь игра становится интересной и содержательной. Непонятно, кстати, на чём основывается мудрость утверждения о том, что в истории нет сослагательного наклонения. Если оно вообще есть, то после грамматики его наиболее значимой областью является как раз история.

Она изобилует пропущенными мирами, из которых, однако, не все упущены. Иногда предложение повторяется — когда о первом выборе, как правило, никто не помнит, и время не просто возникает из прекращения ветвления миров как пресечение данности всего сразу, но иногда принимает даже альтернативы, только преобразуя их в последовательность: сделаем одно, потом другое...

Отслеживание мелькнувших, но пропущенных боковых миров не относится к имманентному континууму. Возьмём один из самых популярных примеров: что было бы, если бы Наполеон выиграл битву при Ватерлоо? Тут начинается одно из главных развлечений ленивого разума, так что поневоле приходится соглашаться с запретом в истории сослагательного наклонения. Но не потому, что выигранная битва вместо проигранной всё меняет, и неисчислимы последствия приводят к сбою самого воображения, а потому, что это как раз случай перекалывания в последовательность: да, Наполеон проиграл битву при Ватерлоо, но потом он её выиграл, только другую битву и под другим именем, так что события, которые последовали бы за победой Наполеона, в основном всё же произошли, хотя и в иных декорациях и с иными персонажами. В этом всё дело: сослагательное наклонение бессмысленно по отношению к событийной канве именно потому, что её узлы обычно дублируются: если кто-то проиграл сражение, ему почти непременно даётся шанс его выиграть — он и выигрывает, но в ситуации неопознания. Никому не приходит в голову, что вот она — та же самая битва, теперь она выиграна. Путаницу вносит рябь на поверхности, детали окончательного дизайна, коротко говоря, вводит в заблуждение нумерация Людовиков — большинство из них могло бы разойтись от единой развилки по направлению к разным мирам, и каждый из них был бы единственным Людовиком в собственном мире. Оно как бы так и есть — Людовик всё тот же, реализующий альтернативу в последовательности, а потому и известный под разными номерами.

Стало быть, гоняться за пропущенными мирами неинтересно, они не упущены, а всего лишь не опознаны. Имеются в виду развилки совсем иного рода. Их список не определён, и нетривиальный ответ на вопрос «что мы потеряли?» мог бы характеризовать особое качество ума, способность видеть не только сокрытое, но и упущенное. Эта особого рода зоркость пока не получила востребования. Понять сущее под углом зрения того, что в нём отсутствует, что не осуществилось или пропущено, — такая задача науки ближайшего будущего, метода, которому предстоит стать привилегированным. Притом не потому, что он принципиально лучше рассмотрения, исходящего из наличия, а потому, что мы ещё совершенно незнакомы с его результатами, — метод, исходящий из упущенного, и сам упущен.

* * *

И вот двоякий вопрос о возможных, но упущенных мирах: как выглядел бы мир, в котором зависть имела бы товарную форму, была бы платной, востребованной услугой? И почему, по какому недосмотру ничего подобного до сих пор не произошло, не возникло ни в какой форме? Зайдём сначала со стороны современных медиа, для которых многие «тяжёлые» миры, так или иначе, постепенно теряют свою достоверность.

Электронный эскапизм позволил серьёзно изменить давление resentment. Да, в мире полыхают медиа-войны, в которых задействованы диванные дивизии троллей: это, так сказать, регулярные войска, но в бой идут и добровольцы — то, чем они занимаются, лучше всего описывается глаголом «воюют», если вспомнить греческий «полемос» и русскую «травлю». Но война исходит от «больших» или старых медиа, они и раньше вели беспощадные войны, мечтая только о том, чтоб к штыку приравняли перо — непонятно даже, уменьшилось ли процентное соотношение наёмников за счёт диванных добровольцев.

Куда важнее параллельные и противонаправленные процессы: то, что ищут и обретают сетевые племена, это защищённые ниши, герметичные миры, укрытые от волн Полемоса-Океаноса. Сетевые одиночки и целые сетевые племена как бы подвижны аллергией на контакт, им мучительно взваливать на себя налог на присутствие, ведь в мире пересылаемых кошечек уютно и комфортно. Силы экзистенциального и психологического притяжения к оставленным в ветхом мире телам существенно уменьшились, но не исчезли совсем. Где же они максимально сохранили свою действенность?

Война кровава и болезненна, а сладостное в ней как раз неплохо имитируется компьютерными стрелялками, поэтому в сравнении с ветхим миром сетевые племена состоят преимущественно из пацифистов и уклонистов. Хитросплетения обмана в живом общении мучительны, по отношению к ним сетевой народ есть коллективный аутист. Атмосфера агонального авторствования — не дай бог! Но вот зависть, эта тяжёлая форма resentment, чрезвычайно плохо поддающаяся вытеснению и отреагированию со стороны виртуальных бесконтактных миров, вовсе не выглядит столь уж тягостной.

Преобразование зависти в направлении её коммерциализации вполне могло бы быть востребовано сетевыми племенами. Такая зависть могла бы стать для них доступным и понятным и, следовательно, желанным анклавом контактного проживания. Находясь в состоянии «листания» силовых полей ветхих миров, представители сетевого сообщества именно здесь могли заинтересоваться, остановиться и решиться на контактное проживание.

Будем исходить из простой очевидности здравого смысла: некоторые люди получают удовольствие от того, что им завидуют. Понятно, что универсальность здесь не подходит, однако в пространстве истории и социальности всегда можно найти зону сгущения, где силовое поле зависти особенно интенсивно, учитывая, что зависть — есть одно из важнейших проявлений ресентимента вообще. Страной, где зависть свирепствует на уровне коллективного невроза, является, например, Россия. Некоторая «полнота счастья», взятая навскидку, почти в смысле этнической психологии не может быть достигнута «без того, чтобы тебя уважали», что вроде бы соответствует определению Аристотеля. Только того, чтобы тебя боялись, для счастья определённо недостаточно, и в итоге возникает нетривиальный принцип, во всём мире считающийся «русским» (как и русская рулетка): нет счастья, если тебе не завидуют. Невроз зависти имеет двойную поляризацию: мучительность осознания благополучия ближнего, мучительность, буквально стирающая себя, но и острота, интенсивность этого чувства не достигаются, если тебе никто не завидует. Наличие «кого-то», а лучше ошутимого количества разнообразных «этих», — необходимый компонент формулы «жизнь удалась».

Естественное положение греческого фронезиса «жить так, чтобы тебе никто не завидовал», кажется пустым заклинанием для свободного самоотчёта русского сознания, оно, так сказать, не пробирает русскую душу, в отличие от позывных безысходной грусти, от экзистенциального сигнала SOS: «Я настолько никому не нужен, что никто мне даже не завидует, ни одна живая душа — а раз так, то я и самому себе не нужен».

Вспомним жалобу Бога из хасидских преданий: «Вот, я спрятался, а меня никто не ищет». По контрасту, жалоба русского олигарха, а быть может даже и царя, звучала бы так: «Вот, я преуспел, а мне никто не завидует!». Почему никто не завидует Богу? И ещё другой, столь же по видимости риторический вопрос: а не начинается ли демократизация общества с того момента, когда каждому его члену можно в принципе завидовать? Тогда, по интенсивности процессов стихийной демократизации, России не было бы равных.

Но всё это побочные, почти посторонние соображения. В порядке описания пропущенного мира нас интересует сейчас вот что: почему бы не подкупить завидующих? Если нет вокруг тебя завидующих даром, от чистого сердца, или таковых совершенно недостаточно, почему бы не обратиться к услугам рынка зависти, и не купить себе там немного дефицитного товара, обладающего уникальными потребительскими свойствами? И почему, кстати, нет рынка зависти? Вот ключевой вопрос в сторону отсутствующего, пустующего мира, который вполне мог бы существовать. Всё дело как будто бы в отсутствии прецедента.

Представим себе, что услуга «пусть мне завидуют» оказалась бы в свободном доступе. Плати деньги — и будет тебе хорошо. Скажем, услуга «сделать массаж» и даже «почесать пятки» не вызывает своей товарной формой какого-нибудь особенного удивления. Более того, если оплата по чеку «чтобы завидовали» выглядит чем-то неслыханным, то оплатить чек с услугой «чтобы помнили» в порядке вещей, — служба поминовения является прерогативой церкви. В ассортименте душевспасительных товаров, которые реализует церковь, памяти (поминовению) принадлежит очень важная роль, однако церковь всё же не монополист в реализации этого товара, просто остальные инстанции предлагают услугу под названием «добрая память» косвенно и не в таких масштабах. А вот физическим лицам на рынок «доброй памяти» с коммерческими предложениями выходить не принято, хотя в житейских преданиях и разного рода поучениях присутствует мотив, когда к прибывающему после долгой отлучки купцу заявлялся сосед с требованием платы «за то, что он каждый день вспоминал отсутствующего».

Теперь представим себе, что создаётся агентство, которое, помимо услуг доброй памяти, берётся внедрять и новую услугу — неподдельную зависть: «За умеренную плату вам будут завидовать черной и белой завистью; каждый вид зависти оплачивается отдельно». Быть того не может, чтобы такая услуга оказалась невостребованной! Вопрос в том, как это могло бы выглядеть или, в духе Канта, как это возможно?

В целом достаточно знания того, что теперь тебе завидуют, теперь есть, кому это делать с помощью какого-нибудь простого ритуала. Например, можно возводить очи горе и протяжно, слегка завывая, произносить: «Ах, как я вам, (взгляд на записку) Иван Христофорович, завидую!», и так семь раз на дню. В сущности, поминание, осуществляемое церковью, не так уж от этого ритуала отличается. То, что тебе хотя бы ритуально завидуют, уже греет душу — но это, конечно, минимальный уровень. Зависть в качестве товарной услуги допускает множество степеней совершенствования. Потребитель услуги вправе сказать: «Завидовать за глаза, конечно, лучше, чем ничего, но это поди проверь. Нет, ты мне в глаза завидуй! В глаза завидуй — я сказал!».

И производитель соответствующей услуги, высокооплачиваемый, квалифицированный завистник, будет подробно, терпеливо расспрашивать: «И как вам, Иван Христофорович, такое удалось? Ну надо же, такую квартиру... такую престижную работу... такой голосище... такую книгу написать... такой у вас стул регулярный! Кто-то всю жизнь мечтает, всю жизнь добивается, но только вам это удалось, Иван Христофорович!».

Если вдуматься, это всего лишь экспликация куда более привычной, завуалированной формы обретения зависти. Прежде её приходилось

покупать, оплачивая прихлебателей, что означало множество непроизводительных расходов: как если бы для приобретения килограмма золота мы купили бы обширный золотиносный участок с обилием пустой породы. Зная о возможной прямой капитализации зависти, можно провести, например, спектральный анализ классической русской литературы на предмет визуализации рынка зависти. Мы обнаружим множество персонажей Достоевского, Гоголя, Гончарова, среди них и такой великолепный образчик зависти, как Лебедев из романа «Идиот»: его можно изучать в качестве наглядного пособия современным агентам пропущенного мира, работающим на рынке зависти.

Продолжим описание. Скажем, то, что проходит по ведомству лести, ритуального славословия, чествования, должно быть выведено за пределы эссенции основного продукта, все факультативные компоненты могут добавляться по вкусу, как бы входя в рецепт фирменных коктейлей на любителя, что-то вроде кофе с корицей... Кому с корицей, кому со сливками, главное, чтобы в должной концентрации имелся сам продукт — кофе. То есть зависть, ибо зависть — бессильное желание занять место завидуемого, кроме того, это ещё и действия, тщетные попытки, пустые хлопоты: поставщики рынка могут предлагать всё это не в скрытом, а, наоборот, в подчёркнуто театрализованном виде. Поскольку описывать приходится возможный, но не реализованный, пропущенный мир, остаётся только завидовать тем возможностям в понимании и исследовании зависти, которые открылись бы его обитателям (правда, я думаю, рано или поздно этот депонированный мир будет востребован и реализован, причём с высокой вероятностью именно в России).

Сейчас многое в безбрежном море зависти мы может определить лишь на глазок, тогда как коммерциализация могла бы вынести безошибочный вердикт. Например: что дороже (и что сложнее), мужская или женская зависть? Это легко можно было бы определить по прейскуранту услуг завистников и завистниц. Априори можно высказывать чуть ли не противоположные аргументы: скажем, легко предположить, что завистниц больше, чем завистников, и это значит, что услуги завистниц обходились бы дешевле. В то же время представляется, что женскую зависть (зависть женщины к женщине) намного труднее подделывать, она как бы более искренняя, более простая, почти гормональная и, следовательно, должна стоить дороже, если иметь в виду именно качественный продукт, а не дешёвую подделку, лишённую убедительности.

Но опять же, предполагается, что мужчинам услуги завистников нужны для того, чтобы жизнь удалась, то есть для осознания своего счастья, а значит, и спрос на завистников с их стороны будет выше. Здесь, в этих бесплодных гаданиях и спорах, прейскурант оказался бы последней

инстанцией, против которой не устояли бы ни психологическая зоркость, ни философская изошрённость, которые могли бы проявлять отсюда, из обжитых миров. Как могло бы заработать первое соответствующее коммерческое агентство «Завидушки агентов-доброжелателей» (ЗАД)? Какого рода оперативность, настойчивость, доброжелательность способствовали бы процветанию фирмы? Не следует смущаться первым же приходящим на ум соображением о том, что зависть, оплачиваемая собственными деньгами, смешна, нелепа и вообще невозможна. Как бы ни так! Мир коммерческой зависти, зависти в товарной форме, не столь уж и далёк от мира, где за деньги заказываются поминальные службы, приобретается почёт и присутствуют все прочие свидетельства всемогущества чистогана. В мире, где человек человеку то муравей, то тля, зависть не продаётся исключительно по недоразумению, из-за отсутствия прецедента, потому-то речь идёт об одном из пропущенных (но отнюдь не упущенных навеки) возможных миров общения.

Стало быть, ответ на вопрос, как возможен такого рода мир, куда проще, чем блистательный мир гипотетической сохранности хвостов. Этот мир возможен по факту, по прецеденту: кто-то просто должен первым выбросить товар на рынок, должен первым предоставить ЗАД в распоряжение страждущих, и очень возможно, что кристаллизация пойдёт с огромной скоростью, и один из гирлянды виртуальных миров материализуется прямо у нас на глазах. Зависть как товар — это вовсе не однодневка, это даже не керосиновая лампа, потерявшая нишу своего спроса за какие-нибудь 50 лет. Если верить Ницше, зависть как неперемный атрибут ресентимента насчитывает три тысячи лет, по сути — это одна из глубочайших впадин психологического рельефа *homo sapiens*, так что нет оснований считать, что он тут же (или буквально завтра) выровняется. Наоборот, как только появится прецедент, следует ожидать экспотенциального расширения ассортимента, всех тонкостей которого невозможно предугадать заранее.

* * *

Когда исследуешь возможные миры, пытаешься определить их топографию и конституцию (конституирующие принципы в кантовском смысле), самое важное, как это ни покажется парадоксальным, — чётко различать градации возможного, или степень несбыточности. Свалка разноуровневых конструкций воображения остаётся только свалкой. Для придания жизнеспособности необходимо чувство точной дифференциации воображаемого, своеобразный аналог литературного вкуса или музыкального слуха.

Мир, в котором присутствует рынок зависти в развитом виде, должен опираться на узнаваемые опорные точки, ибо внутри воображаемого

несомненно есть собственные опорные точки, но есть и те, что незаконно, подменно заимствованы из чужого или иного воображаемого. Имманентные расширения нашего мира представить совсем не трудно, хотя понятно, что самыми интересными могут оказаться вовсе не они, а какие-нибудь неожиданные сцепления, чреватые мироёмким будущим.

Итак, предположим, что сначала разного рода олигархи и самодуры «с понтом» обращаются в бюро «Завидушки агентов-доброжелателей», приобретя предварительно солидный запас душеспасительного товара в церкви (например, щедро пожертвовав на храм) и опробовав прочие популярные развлечения. Вот они попробовали и то и другое, а всё ещё нет отчётливого, внятного ощущения того, что жизнь удалась. И тут в каком-нибудь глянцево-м журнале попадает непонятная, но заманчивая реклама:

Если жизни ты не рад,
Отправляйся прямо в ЗАД!

Далее в нескольких словах грамотные рекламные агенты толково описывают суть предложения: вам будут завидовать прямо в глаза! Возможны разные стили и «пакеты». Некоторые любят получать зависть на расстоянии, как бы более закамуфлированную, отчасти похожую на современную рекламу, только более персонализированную. А некоторые любят погорячее: прямо в глаза, по-русски, по-нашему, и этот пакет естественным образом так и называется — «зависть по-русски». Агенты-доброжелатели опросят вас, протестируют, разберутся в ваших предпочтениях и предложат квалифицированные услуги в соответствии с выявленными потребностями.

Следует полагать, что вслед за олигархами средний класс тоже отправится на рынок, где всякий желающий может найти себе подходящее, доступное бюро или агентство. В основе лежит несложный расчёт: чтобы тебе завидовали — и чёрной, и белой, и цветной завистью, — нужно столько всего добиться, отличаться в разных эксклюзивных категориях — от размера яхты до пробы золота на унитазе, а желанный результат всё равно один и тот же (да ещё и примесь ненависти не маленькая). А не лучше ли пойти прямым путём, сэкономить, не тратиться ни на какие яхты, а сразу оплатить долгосрочную услугу, выбрав подходящий пакет? Оплатить и не париться.

ЗАДы, конечно, будут конкурировать друг с другом, бороться за клиентов, и это чреватое не только расширением ассортимента и улучшением качества: с высокой степенью вероятности можно вообразить, что возникнет и предоставление услуг в кредит. Покупаешь месячный пакет, наслаждаешься по полной, а расплачиваешься с агентством не спеша, в соответствии с условиями кредитного договора. Наверное, и тут будут банкроты, не соразмерившие расходы с доходами, так что конфискацию имущества

за неоплаченную программу зависти тоже следует отнести к числу возможных исходов... Продолжая в том же духе, можно прийти и к идее социального пакета для малоимущих, в который включены были бы и адаптированная программа зависти — ведь жизнь совсем беспроблемна, если тебе никто не завидует.

Но всё это любопытно как диковинки, видимые тому, кто в батискафе исследовательского воображения погружается в один из виртуальных миров. По-настоящему хотелось бы знать, как именно будут завидовать агенты специализированных агентств, придумают ли они что-нибудь, кроме лести, вздохов, сочувственных расспросов? Кроме уверений в том, что «у меня не получилось именно то, что получилось у вас...»? Быть может, в некоторых программах будут предусмотрены лёгкие пакости завидуемому, со всей очевидностью диктуемые завистью. И смешные отрицания очевидного (при полном замалчивании другого очевидного, куда более травматического). И средства для выращивания волос, поскольку от зависти полагается рвать на себе волосы. Как бы то ни было, но основной вид услуг — это систематическое общение, ориентированное особым образом, где всё зависит от изобретательности товаропроизводителей.

Сам объём товарооборота, объём рынка услуг предполагается достаточно обширным, иначе нет смысла обращаться к категории возможного мира. Ясно, что где-то, быть может в Германии, рынок окажется достаточно скромным, а где-то ещё (понятно, где) соответствующие услуги вообще могут оказаться преобладающими на рынке душевспасительных товаров. Ну и специфика товара делает его отчасти эпохальным, хотя бы в смысле микроэпохи — всё же не майонез и не прокат лыж. Выброс зависти в товарной форме вполне способен изменить некоторые очертания экзистенциального проекта.

Разумеется, будет смущать, особенно поначалу, «неискренность» зависти и сам циничный характер ситуации, однако не следует преувеличивать ни того ни другого. Если ты завидуешь за деньги, обслуживая заказчика, то тебе, во-первых, есть чему завидовать, а во-вторых, у оплатившего самый роскошный ЗАД, в свою очередь, есть некоторые основания для зависти других. Ну а цинизм — это всегда на первых порах. Брачный контракт, например, долго казался циничным предприятием, но привыкли, и во многих странах он теперь в порядке вещей. В России он, возможно, всегда будет ощущаться циничным и в силу этого неприемлемым для истинно любящих, зато зависть за деньги именно здесь очень быстро войдет в норму.

Некоторые внутренние сложности связаны с пониманием того, что мне завидуют, «лишь поскольку я это оплатил», не помогают даже утешения, что зависть всегда чем-то оплачена. Тогда можно проявить заботу

о ближних с расчётом на взаимность: например, оплатить курс зависти лучшему другу — пусть порадуется. Или оплатить квалифицированных завистниц для жены. Легко вообразить популярность такой услуги, как интенсивный однодневный курс зависти — её можно дарить на день рождения, на юбилей, на свадьбу. Дарить как билеты в театр, как путёвку на курорт. Сделать приятное другу — в анекдотах о новых русских уже давно описывалось нечто подобное: лучший друг дарит новенький «Мерседес», который подвозит к какой-то заброшенной стройке, а там на крюке подвешен твой главный враг. Если его слегка пнуть, он запоёт «Happy birthday to you», если снова пнуть, он споёт ещё раз. Вот это счастье, вот это подарок! Конечно, тут скорее месть и сладость мести, но и в целом русская зависть бурлит волнами ненависти. Однако завидуемые всё равно любят эту стихию и многие не представляют без неё счастья. И если волнорезом отсечь от бурного моря, от моря-океана волны помельче, побезопаснее, то сколько отдыхающих и с каким наслаждением будут бросаться в эту укрощённую ласковую волну...

* * *

Вопрос таков: будет ли товарная форма зависти торжеством цинизма и очередным шагом в сторону «последних времён»? «И живые будут завидовать мёртвым», — сказано о последних днях апокалипсиса: ясно, что и такая услуга может быть выброшена на рынок в интересующем нас и далеко не химерном мире. Насчёт особого цинизма, кстати, спорно. Это, как уже отмечалось, на любителя — многие сочтут супружеские контракты ничем не уступающими образцами. Но прогрессия цинизма — далеко не всё, что можно сказать о переменах в сборке субъекта. Остановимся на возможных приобретениях, которые проходят под рубрикой «не было бы счастья, да несчастье помогло». Случай, когда вещи названы своими именами, обязательно что-нибудь прояснит. Какое озарение могло бы посетить обычных людей, оказавшихся здесь из иной ветки развития? Вот до чего докатился мир, бабки теперь зарабатывают прямо на зависти. А я-то что же завидую даром!? Дальнейшее обдумывание ситуации может привести к своеобразному катарсису, и некоторые корни ресентимента будут выкорчеваны: если попытки избавиться от разъедающей зависти путём морализаторства оказались безуспешными (две тысячи лет ничего не изменили), то теперь, когда зависть включена в преЙскуранты, наступает очищение. Ведь теперь меня уже не просто осуждают криводушные учителя жизни — их банальные сотрясения воздуха не меняются столетиями, теперь надо мной смеются другие завистники, сумевшие выгодно пристроить то, над

чем я только мучаюсь! И получается, что возможный выход из сложившейся ситуации может быть двояким и даже трояким.

1. Перестать завидовать в сложившейся ситуации, — увы, подобная возможность как была, так и остаётся проблематичной. В этом вообразаемом мире таких людей было бы не больше, чем в нашем.

2. Перестать завидовать даром и превратить мучения в статью дохода. Кто-то, пожалуй, приспособится к такому раскладу, но это не решит проблему. Острая «дармовая» зависть труднее всего поддаётся сублимации. Тут та же ситуация, что и с киллером, с наёмным убийцей: тот из них, кто как-то связан с потенциальной жертвой, пусть даже посредством ненависти, будет не самым лучшим киллером. С другой стороны, хороший, квалифицированный завистник должен всё же непременно знать, как выглядит зависть изнутри.

3. Сделать над собой усилие и упущенную выгоду (то есть бесплатную зависть) преобразовать в реальную инвестицию. Сказано ведь было: ненависть не побеждается ненавистью, но отсутствием ненависти. Теперь скажем: зависть не преодолевается, не побеждается полученными за неё деньгами, но купленной завистью другого. Психологический механизм тут достаточно прост и понятен. И так, мне завидуют — не задаром, понятное дело. Но! Зато теперь я знаю, как устроена эта сладостно-мучительная вещь со всех сторон, и могу спокойно относиться к тем, кому завидуют: просто у каждого своя оплаченная программа, а те, кто не оплатили её напрямую, скорее всего, переплатили кучу денег.

Подобное умозаключение здравого смысла в рассматриваемом возможном мире весьма вероятно. При таком раскладе проясняются и другие контуры феномена, которые в нашем мире отчасти парадоксальны, отчасти скрыты и как бы ждут решающего прорыва, цепной реакции кристаллизации.

Выразим это так: в мире, где можно зарабатывать завистью, без какого-либо смущения можно, например, и оплачивать свою игру на сцене. Хочешь предстать перед публикой в роли леди Макбет, в роли Гамлета или друга Горацио? За чем дело стало — оплати участие в спектакле, и будет тебе счастье! Отсутствие недоговорённости порождает куда большую несправедливость. Вот на днях смотрю вместе со своей знакомой урок французского на канале «Культура». Группа начинающих, путаясь в грамматике и радостно улыбаясь, рассказывает, кто чем занимается. Участницы последовательно представляются: «я актриса», — говорит одна девица, «я драматическая актриса в театре „Мотылёк“», — говорит другая, «я продюсер музыкальных клипов», — молвит третья и так далее. Тут я замечаю, что моя знакомая начинает зеленеть от злости: типа эти вечные гости телевизора

и знать не знают, что есть и другие работы... А ведь в мире зависти как привычного общедоступного товара это была бы совершенно рядовая ситуация: оплатили пакеты, прямо или косвенно выкупили время в телеэфире. Вслед за передачей идёт и музыкальный клип:

Быть киноактрисой, французский учить —
 Очень хорошо для меня.
 В телепередаче «Je suis» говорить —
 Очень хорошо для меня.

Разница в том, что в мире, где расставлены все точки над «i», все это приемлемо и для остальных миров. Возможно, что туннель, по которому произойдёт переброс в искомый мир, начнётся как раз отсюда, из сферы публичной репрезентации в самом широком смысле слова, а выброс на рынок зависти в качестве товара произойдёт потом — сущностное родство этих модификаций экзистенциального проекта очевидно в любом случае. И поскольку производство символического уже несколько десятилетий охвачено жестоким кризисом перепроизводства, фигура читателя, слушателя, посетителя сайта обеспечивается всяческими бонусами. Установившаяся при этом двусмысленность ничуть не лучше, а в сущности, хуже по степени моральной интоксикации общества, чем доступная шкала расценок для взывающих признанности через зависть.

Мало кто сомневается, что справедливее всего было бы судить о художнике по его произведениям, как судят о смоковнице по её плодам. Опять же, востребованность в моральной форме тоже не может служить критерием права художника быть и оставаться художником, есть ещё нечто великое и воистину мистическое — талант... Увы, обе эти прекрасные посылки фальсифицированы, безвозвратно и неисправимо, они давно превратились в бессильные заклинания и дежурную риторику. Между тем магия причастности к креативному классу осталась и в чём-то даже возросла, поэтому всякий, кто может сказать о себе, что он тоже некоторым образом художник, в случае признанности обнаруживает в себе также и мотивы Ван Гога и Микеланджело. То, что при этом приходится оплачивать своё пребывание в творческих эшелонах, делая это чрезвычайно непрозрачно, как бы и не оплачивая вовсе, — будто правая рука не ведаёт, что делает левая, — инициирует новые волны желающих и восплаляет ярость благородную всех отодвинутых и непопавших.

Теперь представим себе, что достигнут некий уровень прозрачности. Это вовсе не обязательно прозрачность каждого отдельного «контракта» — достаточно наличия эксплицитного алгоритма «как стать художником», «как стать поэтом, исполнителем», и. т. д. Если такой алгоритм

наличествует, и есть люди, реально им пользующиеся, условия для формирования комплекса неполноценности практически исчезают. То, чего не мог достичь когда-то Нерон, теперь вполне под силу средней руки банкиру — и разве это не верная примета цивилизации и прогресса? С этого момента начинается быстрый (хотя и не одноразовый) сброс балласта. Прежний модус вивенди, в соответствии с которым быть художником нелегко, но считаться им очень престижно, больше не работает. Теперь в том, чтобы стать художником, нет особых проблем, однако и престиж уже не тот: не то, чтобы он пропадает совсем и сразу, песенка самоотчёта по-прежнему звучит:

Сняться в фильме «Где ты, любовь?» —
Очень хорошо для меня...

И всё же эта престижность попадает в общий имманентный ряд привилегированного потребления (куда включены все гаджеты и все имеющие конкретную стоимость услуги) и теряет свою эксклюзивность. Теперь это вопрос выбора инвестиций и, так сказать, предпочтения абонементов: можно выбрать курс фитнеса в невесомости, можно курс знакомства с глубоководной феерией в батискафе, а можно курс «я солистка рок-ансамбля». Допустим, что этот курс окажется самым дорогим и не всем будет по карману — хотя с чего, собственно? Это не беда, прозрачность механизма даёт возможность, не впадая в мучительные переживания («быть или не быть?», «тварь я дрожащая или право имею?»), просто скопить денег. Сначала можно поработать слушателем или даже фанатом (работа не из лёгких, но вполне переносимая), а там и оплатить подходящую программу, где ты уже художник, солист или поэт.

Поскольку искусство подпитывается многими могучими источниками, среди которых и сама воля к бессмертию, нет сомнений, что «нормальные художники» всё равно останутся, и даже будут численно преобладать. Но насколько же расчистится их горизонт присутствия! Ибо уже не нужно будет с придыханием (или с показной небрежностью) упоминать о роде своих занятий, не рискуя наткнуться при этом на иронический, всепонимающий взгляд. При этом прекратится или существенно ослабнет посторонняя тяга, рассеется смутное обаяние образа, успокоятся и дети портфельных инвесторов, и их портфельные отцы. В нашем одном из возможных и даже очень возможных миров им есть что ответить на зов души юной девушки, восклицаящей:

— Папа, я хочу быть актрисой!

— Да без проблем, Василисочка, — скажет он, — у нас есть на это средства, и для тебя мне ничего не жаль. Но может быть, выберем индивидуальную программу с изюминкой? Самые лучшие завидушки?

Впрочем, в условиях открытого и прозрачного рынка зависти Василиса и не станет предъявлять претензий, характерных именно для нашего мира, — в случае радикальности охватившего её протеста она уйдёт к тайным художникам, которые не поставляют свои творения на рынок и чьи усилия направлены непосредственно на преобразование социальной действительности, не задерживаясь на стадии произведения.

* * *

Вернёмся к догадке или к озарению: да что же я завидую даром? Если вести речь не просто об осознании, а именно об избытании, лучшего средства, чем рыночная реализация, точно не придумать. Если тебя гложет зависть и тебе посчастливилось родиться в России, где на неё такой спрос, ты не пропадёшь с голоду и будешь востребован. Можешь встать на учёт как безработный, но долго получать пособие не придётся.

Исследуемый мир вписывается в причудливую логику одного из миров Борхеса, в соответствии с которой второе пришествие Христа определяется фактом исчерпанности всех возможных грехов, — речь не об индивидуальных эксцессах, а именно о презентации полной типологии. Что же — мир, где торгуют завистью по твёрдо установленным расценкам, расположен на одну ступень ближе к исполненности времён. Ещё одна роковая недоговорённость выжата в нём как лимон, что должно позволить в дальнейшем избегать интоксикации. Только столкнувшись лицом к лицу с феноменом, можно обрести по отношению к нему стойкость и иммунитет, или отнести к нему как к последней капле, переполнившей чашу терпения.

Вывод из тени зависти и выход из тени завистников заново ставит вопрос о зависти и демократии: что в этом смысле может измениться в интересующем нас мире? Капитализация зависти будет означать не только её перераспределение — тут меняется, если так можно выразиться, основополагающий химизм, происходят возгонка и ректификация зависти. Угасает одна из важнейших социально-психологических иллюзий, и, следовательно, наступает прояснение, которое поначалу выглядит как ослепляющая вспышка цинизма, — но только поначалу.

Уже одно предположение о том, что зависть может приносить проценты и дивиденды, позволяет по-новому осмыслить дела её. В теневом, несобственном состоянии зависть, безусловно, является мощнейшим невротическим фактором, вызывающим как индивидуальные неврозы и фрустрации, так и гигантские очаги коллективного невроза, порой покрывающие целые страны и цивилизации. Но одновременно и наряду

с подобной невротизацией зависть выступает как психологический коррелят общеполитического чувства, — проще говоря, является психологической основой демократии западного (постхристианского) образца.

Вспомним базисный психологический принцип аристократии, и уж тем более кастовой системы, состоящий, в частности, в том, что для зависти установлены непроницаемые перегородки: это стенки человекоразмерных ячеек экзистенции. Земледелец средневековой Японии не завидует самураю примерно по той же причине, по какой он не завидует тигру или соколу. Конечно, в воображении всё возможно, куда только не случается забраться в воображаемых странствиях:

Дивлюсь я на небо та й думку гадаю.
Чому я не сокіл, чому не літаю?

Но эта меланхолическая думка чрезвычайно далека от того острого чувства, которое пронизывает и сшивает воедино горизонты политического пространства. В античном полисе этим острым чувством была состязательность, знаменитая греческая агональность. В формате ресентимента, то есть в гражданском обществе буржуазного разлива, это зависть. Между агональностью и завистью есть некоторые черты сходства, не исключая даже общности происхождения. Для прояснения этих сходств и различий нужен, так сказать, вдумчивый спектральный анализ. Но если сказать кратко, агональность и зависть различаются примерно так же, как молоко и скисшее молоко. Особенно велики различия между точками равновесия: для состязательности основной мотив — я не хуже его, для зависти — он не лучше меня. Ясно, что в первом случае легче получить объективные доказательства или опровержения, во втором же это практически невозможно. Так вызревают, например, гроздья гражданского гнева — через ежедневное суммирование возражений «чем он лучше меня?». И тут есть ещё одно скрытое обстоятельство: почему ему завидуют, а мне нет? Всё, попользовавшись завистью — уходи, пусть и на мою долю немножко останется, и мне позавидуют всласть!

Что же меняется в циничном новом мире? Есть основания полагать, что с возникновением и расширением рынка зависти запускается процесс переоценки (обесценивания) политики. Весьма вероятен отток соискателей почёта, ведь её можно будет обрести более простым и прозрачным путём, заменить неквалифицированную бесплатную зависть на квалифицированную платную.